
ЛАЛЮТИК
ВАРСИК
ШАНС НА ЖИЗНЬ
18+

Варсик .

Шанс на жизнь

«Автор»
2026

. В.

Шанс на жизнь / В. . — «Автор», 2026

На дне Марианской впадины, под давлением в тысячу атмосфер, гниёт город-ковчег "Глубь-9". В светлом геометрическом центре пируют Патроны. В темных ржавых шахтах задыхаются "нижние". Когда сестра Киры начинает кашлять кровью от "случайной" токсичной пыли, девушка спускается во Внешнюю Бездну. То, что она находит на обшивке ковчега, страшнее удушья: это дата нашего уничтожения, выгравированная на титане рукой Главного Архитектора

© . В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Геометрия пепла 7
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Лалютик, Варсик .
Шанс на жизнь

Пролог

В Секторе-7 воздух всегда пах озоном и гнилью.

Кира висела вниз головой на потолке сорок восьмого яруса, вцепившись магнитными ботинками в переборку. Под ней, в шахте сброса, зияла рваная рана во внешнем корпусе. Сквозь дыру размером с кулак с оглушительным свистом уходил в темноту их воздух, превращаясь в ледяную пыль.

— «Крыса-7», — прохрипел в ухе голос диспетчера. — Тридцать секунд до блокировки. Вытаскивай свою задницу оттуда. Мы теряем давление на Ярусе-47.

На Ярусе-47 жила ее сестра. Лена, которая кашляла «серой пылью».

Кира вдавила гашетку плазменного резака. Титан сопротивлялся, выплевывая фиолетовые искры. Она не латала дыру по инструкции — у нее не было времени на шлифовку. Она просто выжигала металл, чтобы вбить в рану брезентовый мешок с быстроотвердевающим полимером.

— Есть, — выдохнула она, когда заплатка задымилась, намертво впаиваясь в обшивку. — Открывайте продувку. У меня дочь диспетчера на сорок седьмом, не вздумайте…

Связь щелкнула. Голос диспетчера изменился. Из человеческого он стал бархатным, пустым и медленным. Голос человека, который никогда не мерз.

— Экономический баланс ковчега, — сказал он. — Вышел из строя главный насос Сектора-7. Замена детали не предусмотрена бюджетом. Сброс балласта — процедура неприятная, но необходимая для стабильности Ядра. Прощай, «Крыса».

Связь оборвалась.

Кира ударила кулаком по панели шлема. Бесполезно. Частота заблокирована. Датчик кислорода показывал двадцать минут.

А потом титан под ее ногами запел иначе.

Вместо свиста уходящего воздуха раздался тихий, невозможный хруст. Словно на глубине в тысячу сто атмосфер кто-то наступил на сухую ветку.

Хруст шел не снаружи. Он шел *изнутри* ее экзоскелета.

Она опустила взгляд. Левый наколенник, который просто «заклинило» час назад, начал медленно, с чудовищным усилием прогибаться внутрь. Металл плакал. Давление снаружи нашло новую точку входа.

Кира сорвала магнитные замки.

Она не упала. Ледяной поток из-под не застывшей заплатки швырнул ее вверх, размазав спиной по потолку шахты. А в следующее мгновение в Сектор-7 ворвалась вода.

Она не хлынула. Она *впечаталась* в переборки, мгновенно превращая воздух в крошево из льда и костей.

Кира висела на скобе, а мимо нее вверх — к жилым уровням, к золотым садам Патронов — летели обломки пластика и чьи-то вещи.

Из динамиков общей связи, которые Смотрящие забыли отключить, полилась классическая симфония. Патроны в геометрическом центре провожали «балласт» под Вивальди.

Вода в шахте прибывала. Она была черной, как жидкая сажа, и в ней плясали холодные, призрачные огни — глубоководный планктон, для которого только что накрыли праздничный стол.

Кира подтянулась на руках, забросила тело на технический уступ и поползла прочь от ревущего водопада.

Ее сестра была там, наверху. И если Ядро решило сбросить балласт, Кира собиралась перегрузить их чертовы весы.

Глава 1. Геометрия пепла

Закон Сектора-7, выведенный куском технического угля на закопченной переборке над раздачей баланды, гласил: «Если ты слышишь металл — ты уже мертв. Если металл слышит тебя — ты просто еще не нашел укрытие».

Кира ненавидела этот закон. Он пах прогорклым синтетическим маслом, на котором жарили белковые брикеты, и страхом. Страхом, который в нижних ярусах «Глуби-9» имел собственный вес, плотность и цвет — сизый, как дым дешевых сигарет, которых здесь никто не видел уже лет пятьдесят.

В свои девятнадцать лет Кира знала геометрию ковчега лучше, чем линии на своих ладонях. Она знала, что они живут внутри колоссального вращающегося шара. Геометрический центр — Ядро — был их божеством, их раем и их гильотиной. Там, где центробежная сила сходила на нет, давление распределялось идеально. Там, в золотом тепле, жили Патроны. Там горело настоящее, нарисованное солнцем небо, пахло озоном после дождя и настоящими яблоками.

А здесь, на сорок восьмом техническом ярусе, в Секторе-7, гравитация была не благом, а наказанием. Они находились на самом краю радиуса вращения. Чем дальше от центра, тем сильнее невидимая рука вжимала тебя в решетчатый пол, тем тяжелее сокращались легкие, тем громче и надрывнее стонал титан.

Сейчас титан не стонал. Он вопил.

Кира висела вниз головой на потолке главной вентиляционной шахты. Магнитные ботинки — тяжелые, гудящие гробы весом в пятнадцать килограммов каждый — держали ее на весу с предательским, нарастающим скрипом. Под ней, в тридцати метрах пустоты, зияла рваная рана во внешнем корпусе «Глуби-9».

Сквозь пробоину, размером не больше мужского кулака, с инфразвуковым ревом, от которого вибрировали кости черепа, уходил в абсолютную черноту их воздух. В луче нашлемного фонаря этот рев превращался в видимый столб густого, ледяного пара, светящегося призрачным, неестественным серебром от глубоководного планктона, обитающего в воде за бортом.

— «Крыса-7», — прохрипел в ухе гарнитуру голос диспетчера. Гвоздь. Его звали так, потому что он мог забить аргумент в бетонную стену. Сигнал шел через три переборки и два гермозатвора, поэтому голос звучал так, будто Гвоздь полоскал горло ржавой стружкой и аккумуляторной кислотой. — У тебя падение давления в сегменте. Двадцать секунд до автоматической блокировки шлюза. Твои жизненные показатели в красном. Вытаскивай свою задницу оттуда, пока нас всех не высосало в вакуум!

— Варю на ходу, — бросила Кира, перекрикивая вой. Слюна замерзла ледяной коркой в уголке губ, приклеив ее к коже.

Ее экзоскелет был собран из запчастей трех списанных машин, погибших при разгерметизации пять лет назад. Левая нога выше колена не гнулась — сервопривод заклинило намертво еще на прошлом дежурстве, когда прорвало трубу с нечистотами Яруса-45. Правая рука в плече люфтила на добрых три сантиметра, из-за чего плазменный резак в ладони постоянно вело в сторону, грозя срезать страховочный трос. Но плазменный блок работал, и это было главным. Это давало ей право на сегодняшний паек.

Кира спустилась на полметра, отталкиваясь от кабельных лотков, густо покрытых черной пылью. Вниз смотреть было нельзя. Вестибулярный аппарат, привыкший к постоянной вибрации и давлению, мог взбунтоваться от вида такой вертикальной пустоты, и тогда магниты не удержат. Она смотрела только на металл.

Пробоина была похожа на раскрытый в беззвучном крике рот мертвеца. Края оплавлены и завернуты внутрь — значит, их догнал «песчаный крот», микрометеорит из пепла с поверхности. Поверхность была мифом. Сказкой, которой пугали детей, чтобы они не шумели. Местом, где воздух жжет легкие, как расплавленный свинец, а вода кипит при комнатной температуре.

Она вдавила гашетку резака.

Узкий, ослепительно-белый луч ударил в край дыры. Металл не плавился — он взрывался микровзрывами. При температуре в несколько тысяч градусов титан на глубине в одиннадцать километров не просто переходил в жидкое состояние, он вступал в реакцию с остаточным кислородом в шахте, выплевывая снопы фиолетовых, зеленых и ослепительно-белых искр, которые тут же уносило в бездну. Воздух мгновенно наполнился запахом жженой кости, озона и сладковатой, тошнотворной вонью горелой синтетики.

— Двадцать секунд! — надрывался Гвоздь. — Сектор изолируется! Если не закроешь дыру, Ярус-47 превратится в вакуумную камеру! Там начальная школа, Кир! Моя мелкая сегодня дежурная по столовой, она прямо под твоими ногами! Если ты ее убьешь, я лично скину тебя за борт без скафандра!

У Гвоздя была дочь в начальной школе. У Киры там была сестра.

Лена.

Восемь лет. Кашель Лены звучал как работа старой швейной машинки — сухой, рваный, с металлическим, жутким присвистом на каждом выдохе. «Серая пыль». Она оседала в легких намертво, превращая нежные альвеолы в каменные мешки. Лекарство стоило как годовой паек всего Сектора-7. Или как одна ампула синтетического адреналина из аптечки Патрона.

— Варю! — рявкнула Кира и повела лучом.

Она не делала аккуратный овал, как учили в профтехе. У нее не было алмазных насадок для шлифовки кромок. Она просто выжигала металл по периметру, превращая рваную рану в геометрически неправильную, но чистую дыру. Время на эстетику закончилось, когда они спустились ниже сорокового яруса.

Свист начал стихать. Давление в шахте выравнивалось с давлением в жилом тоннеле за спиной. Уши, заложенные от воя, наконец-то «щелкнули», возвращая слух. Боль в барабанных перепонках была почти ослепляющей, белой.

Кира оттолкнулась от потолочной балки, пролетела пару метров в искусственной невесомости и вцепилась в страховочный трос. Пальцы в толстых, трижды залатанных перчатках скользили по металлу. Она достала из набедренной сумки брезентовый мешок. Внутри что-то булькнуло и зашипело, нагреваясь до температуры, от которой ткань начала слегка дымиться, угрожая вспыхнуть прямо на ее бедре.

— Десять секунд.

Она с размаху, используя инерцию, припечатала мешок к дыре.

Полимер внутри был военной разработкой. Он предназначался для экстренной герметизации торпедных аппаратов боевых субмарин Имперского флота. Ему было плевать на воду, вакуум и разницу температур в триста градусов. Он хотел только одного — вцепиться в металл молекулярными крючьями и застыть.

Мешок задымился. Кипящая черная смола растеклась по краям, мгновенно твердея и трескаясь, как сухая земля в засуху. Она вгрызалась в титан, шипя и плюясь каплями раскаленного композита.

— Пять.

Кира отпустила трос и отплыла на пару метров назад, тяжело дыша. Воздуха в баллоне оставалось на сорок минут, но фильтры уже начали забиваться пеплом, поднятым ударной волной. В горле першило так, будто она глотнула битого стекла.

— Есть, — сказала она, глядя, как черный, похожий на старый шрам рубец покрывает рану. — Заплатка встала. Можете открывать продувку. И скажи своей мелкой, что завтра я принесу ей тот леденец из синтетического сахара. Синий. Как Ядро.

В ответ — тишина. Только ровный, успокаивающий гул систем жизнеобеспечения. Тот самый звук, который «нижние» называли «дыханием Левиафана». Звук сытого, спящего чудовища.

А потом в ухе щелкнуло.

Звук был сухой, электронный. Словно кто-то разорвал нейронную связь хирургическими ножницами.

Голос Гвоздя исчез. Вместо него заговорил другой. Бархатный, медленный, лишенный всяких помех и статики. Голос человека, который дышал воздухом, пропущенным через семь слоев угольных фильтров и увлажненный эфирными маслами лаванды. Голос, который никогда не знал, как пахнет «серая пыль». Голос из Ядра.

— Задание выполнено, техник. Но протокол изоляции не отменен.

Кира замерла. Магнитные ботинки гулко щелкнули о металл, когда она инстинктивно попыталась встать смирно. Это было ошибкой. Сервопривод левой ноги, который она называла «дохлым», предательски взвизгнул, и Кира чуть не рухнула на колени, повиснув на тросе.

— Что значит «не отменен»? — голос ее сел, осип от крика и гари. — Там сорок седьмой. Там Лена. Вы сварите их заживо, ублюдки! Открывайте шлюз! Там дети!

— Экономический баланс ковчега, — так же мягко, с отеческой укоризной продолжил голос. — Вышел из строя главный насос Сектора-7. Гидравлический удар от пробоины вызвал каскадный отказ. Замена детали не предусмотрена бюджетом текущего цикла.

Кира почувствовала, как по спине, под грубой, пропитанной потом и маслом тканью робы, течет ледяная струйка. Это не пот. Это конденсат. Воздух в шахте резко похолодел.

— Отмена протокола требует подписи Архитектора, — вещал голос, и Кире показалось, что она слышит в фоне звон хрустального бокала. — Архитектор сейчас занят. Он принимает решение по оптимизации ресурсов. Сброс балласта — процедура неприятная, но необходимая для стабильности Ядра. Прощай, «Крыса».

Связь оборвалась.

Паника ударила в голову, но Кира была дочерью техника. Паника — это газ. Если дать ему выход, он взорвется. Она ударила кулаком по сенсорной панели шлема.

— Гвоздь! Сектор-6! Кто-нибудь, ответьте!

Эфир ответил ей только шипением статики. Шлюз за спиной уже начал смыкать свои титановые лепестки с глухим, скрежещущим звуком, похожим на зевок гигантского зверя.

Датчик кислорода: 38 минут.

Температура в шахте: минус 12 градусов и стремительно падает. Ледяной туман начал оседать инеем на ее визоре.

А потом Кира услышала это.

Не свист. Не вой. Не скрежет шлюза.

Тихий, едва различимый хруст. Словно кто-то наступил на сухую ветку. Но в Секторе-7 не было дерева. Здесь не было ничего органического, кроме людей и их дерьма.

Хруст доносился не из шахты. Он шел *изнутри* ее экзоскелета. Из левого колена.

Она опустила взгляд.

Сервопривод, который просто «заклинило», не издавал звуков. А сейчас титановая плита наколенника, толщиной в три сантиметра закаленной стали, медленно, с чудовищным, невозможным на такой глубине усилием, начала прогибаться внутрь.

Металл не просто пел. Он плакал.

Давление снаружи нашло новую точку приложения. Там, где была пробоина, теперь был монолитный полимер. Океан, привыкший давить на 1100 атмосфер, был расстроен тем, что его лишили привычного выхода. И он начал искать слабое звено.

Им оказался сустав Киры.

Она не стала ждать, когда титан превратится в фольгу.

Кира сорвала магнитные замки.

Падение с тридцати метров в тесной металлической трубе должно было убить ее мгновенно. Переломать позвоночник о решетчатый пол, размазать внутренности по стали, превратить в мешок с дроблеными костями. Но ледяной поток воздуха, все еще вырывающийся из-под не до конца застывшей заплатки, подхватил ее. Он швырнул Киру вверх, как тряпичную куклу, размазав спиной по потолку шахты и выбив из легких остатки тепла.

Она летела сквозь туман, ударяясь о скобы, а за ее спиной, там, где секунду назад была заплатка, титан лопнул с оглушительным, торжествующим ревом.

Тысяча сто атмосфер Марианской впадины ворвались в Сектор-7.

Вода не хлынула. Она *впечаталась* в переборки. Это был не поток, это был удар молота из жидкого свинца. Воздух в шахте мгновенно превратился в крошево из льда, пластика и чего-то мягкого, влажного, что секунду назад было легким не успевшего убежать рабочего с нижних уровней.

Киру швырнуло обратно к потолку. Удар был таким, что сервоприводы экзоскелета взвыли, а в глазах потемнело. Но она удержалась, вцепившись мертвой хваткой в вентиляционную решетку. Пальцы в толстых перчатках побелели от напряжения.

Она висела в шахте, а мимо нее вверх — *вверх*, к жилым уровням, к Ярусу-47, к Лене — летели обломки пластика, чьи-то вещи и пузыри воздуха. Пузыри были кровавыми. Они лопались у нее перед лицом, пахнущие железом и медью.

Сверху, из динамиков общей связи, которые Смотрящие забыли отключить при изоляции сектора, полилась музыка. Спокойная, идеальная, без единого шороха. «Времена года» Вивальди. «Лето». Гроза.

Патроны в геометрическом центре — в Ядре — провожали «балласт» под классику. Они пили синтетическое вино и смотрели на падающие уровни, как на красивый салют.

Вода в шахте прибывала. Она поднималась быстро, но не так стремительно, как в вакууме — воздуху было куда уходить, в соседние сектора через не до конца закрытые клапаны. Вода была не синей. Она была черной, как жидкая сажа, и в ней плясали холодные, призрачные огни — глубоководный планктон, для которого только что накрыли праздничный стол из человеческой плоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.